

Ю. Ф. Грицай

Композиция «Запутанного дела» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ранним беллетристическим произведениям писателя-сатирика посвящена значительная научная литература, в которой начальный опыт Салтыкова рассматривается разносторонне и по-разному [1; 3; 4; 5; 6; 7]. Но об их структуре в опубликованных работах высказываются лишь самые общие суждения, поэтому необходимо дальнейшее изучение вопроса.

Повесть Салтыкова «Запутанное дело», идейно и художественно более значительная в сравнении с «Противоречиями», явилась одним из крупных вкладов в литературу первой половины XIX века. Она отличается и композиционными особенностями, и манерой построения сюжета. В ней с гораздо большей остротой показано социальное неравенство и выдвинут вопрос о праве «маленьких людей» на место в жизни, о путях их борьбы за достижение этой цели. Если в повести «Противоречия» автор сосредоточил внимание на степени виновности действительности и самих «маленьких людей», которые пассивно относились к жизни, и представил самим героям вести рассказ о своем житье-бытье, то в «Запутанном деле», учитывая всю сложность поставленной задачи, он эту роль оставил за собою. Ведь надо было не только показать кричащие противоречия действительности, но и раскрыть несостоятельность учения социалистов-утопистов о путях борьбы за социальную гармонию, дать свое решение проблемы. Избранному герою такая задача была не под силу.

«Запутанное дело», произведение сравнительно небольшое по объему, условно разделено на девять глав; в шести из них (I, II, V, VI, VII, VIII) изображены события, которые происходят наяву, в двух (III и IV) — канва сюжета-сна об отношениях Мичулина и Нади Ручкиной, о его женитьбе и последующих превращениях; в последней (IX) события развиваются в двух планах: в реальной жизни и в фантастическом сновидении — миреже.

Прием двупланного развития сюжета позволил автору выразить большое содержание в малом объеме, с предельной глубиной раскрыть трагедию «маленького человека», погибающего в мучительной борьбе за место в жизни.

В композиционном решении этой проблемы в «натуральной школе» сложилась в 40-е годы XIX в. своеобразная сюжетная канва, которая нередко варьировалась в произведениях на обсуждаемую тему. В начале повествования — рассказ о поисках жилья героем, приехавшим в столицу из провинции в надежде получить хорошее место (Я. Бутков «Хорошее место»); если же действие прерисходит в одном городе, герой переезжает на другую квартиру (Ф. Достоевский «Бедные люди»), которая находится на заднем дворе, на четвертом или пятом этаже дома с грязной лестницей; хозяйка квартиры — чаще всего немка или вдова — титулярная советница; затем следует описание ее жильцов. Там же — хорошенькая девушка, в которую герой влюбляется, но безуспешно, потому что она любит другого. После такого вступления начинается рассказ о злоключениях героя.

В эту схему вложилась и повесть «Запутанное дело», что, однако, не помешало автору воплотить в ней глубоко жизненное содержание, придавшее произведению высокое идейное звучание в литературе «натуральной школы».

Рассказу о судьбе героя в столице предшествует краткая предыстория, из которой читатель узнает, что, отправляясь в Петербург, Мичулин получил от отца наставление быть покорным и послушным начальству. «Покорное теля две матки совет», — сказал он ему на прощание.

Как жил Мичулин дома, что его окружало, какое получил он воспитание — об этом в повести не говорится, автор не отвлекает внимания читателя от того, что он считает наиболее важным — показать настоящее «маленького человека», пережитые им испытания как следствие господствующего порядка вещей. Следует отметить, что если в первой повести лишь отдельные немногие детали напоминают манеру будущего великого писателя, то в «Запутанном деле» и портретные характеристики, и речевая индивидуализация героев, и некоторые приемы композиции уже предвещали его позднейшую сатиру.

Сюжет «Запутанного дела» до крайности обыден: молодой человек, приехавший в столицу из провинции, ищет место службы, и, не найдя его, после тяжелых испытаний гибнет. Казалось бы, его судьба имеет сугубо личный, частный характер, но частная история явилась формой раскрытия общественной драмы [З, с. 107], дала возможность показать кричащие противоречия не только в Петербурге, но и во всей России, стала приговором строю, основанному на вопиющем классовом неравенстве.

Эту мысль предваряет уже фраза в первой главе, которую можно было бы поставить эпиграфом ко всей повести: «Россия — государство обширное, обильное и богатое — да человек-то иной глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве».

Всю сложность и значительность «запутанного дела» героя повести Мичулина Щедрин усилил средствами контраста — он ввел образы друзей-противников Беобахтера и Звонского, кото-

рые открывают собою типологическую пару в последующих произведениях сатирика (Тебенков и Плешивцев в «Благонмеренных речах», Прокоп и рассказчик в «Дневнике провинциала», рассказчик и Глузов в ряде произведений). Изображены они по методу противопоставления: «разрушитель» Беобахтер, «маленький и приземистый, быстрыми, но маленькими шагами ходил по комнате, бормотал себе под нос какие-то заклинания и при этом беспрестанно делал рукою самое крошечное движение сверху вниз, твердо намереваясь изобразить падение какой-то фантастической и чудовищно колоссальной карательной машины», а в пьяном виде — движение снизу вверх [8, т. 1, с. 223]: «созидатель» Алексис Звонский, «вытянутый и сухой, сидел около стола и, устремив влажные глаза в потолок, обретался в совершенном оптимизме. Молодой человек размышлял в эту минуту о любви к человечеству и по этому случаю сильно облизывал себе губы, как будто после вкусного и жирного обеда» [8, т. 1, с. 223].

Эти друзья-противники доказывают несомненную полезность страданий как «лекарства от всего, даже от самих страданий». Речами Беобахтера и Звонского сатирик подчеркивал лживость разглагольствований о народе идеологов господствующих классов, которые не только не облегчали, а еще более запутывали дела народа, «маленьких людей» и обрекали их на бесправное, голодное существование. Такую роль герои повести играют и в судьбе Ивана Самойловича Мичулина.

Общественно-политические вопросы в повести преломлены через сознание «маленького человека» и его незамысловатую историю, наполненную прозаической заботой о насущном куске хлеба.

Цепь событий, связанных с личностью Ивана Самойловича, составляет основную сюжетную канву, которая строится таким образом, чтобы показать несостоятельность теории покорности и послушания как средства достижения благ жизни. Руководствуясь отцовским наставлением, Мичулин целый год безуспешно обивал пороги департаментов и начал понимать, что в нем не все разумно, что в иных случаях требуется не безмолвное склонение головы, а натиск и напор, «дерзость и упорное преследование цели» [8, т. 1, с. 221].

Развитие действия в произведении и направлено против смирения и терпения, на отрицание пассивного отношения к жизни «странствующего во мраке, грязи и невежестве человечества».

Сплошные неудачи, неотступно преследующие Мичулина в столице, заставляют его задуматься над жизнью, предаться мучительным раздумьям о ненормальности господствующих отношений. Вон князь едет в роскошной карете, которую везет лихая четверка, а он, Мичулин, маленький человек, идет пешком — отчего бы это?.. «Жизнь — лотерея, — говорил ему отец. — Смиряться и терпи». «Оно так, — размышлял Иван Самойлович, — да почему ж она лотерея, почему ж бы не быть ей прос-

то жизнью?.. Ведь хоть бы этот князь? — думал он, вот он и счастлив и весел... Отчего ж именно он, а не я? Отчего ж бы не мне уродиться князем» [8, т. 1, с. 220].

Таких размышлений в повести много, и все они оправданы, важны, необходимы. Как бы ни было скудно духовное развитие героя, но и он, придавленный нуждой, стал доискиваться ответов на многочисленные «почему?». В рассуждениях человека малоопытного, порою наивного, дана оценка тем же явлениям действительности, которые отрицает полностью сам автор, их точки зрения здесь совпадают.

В «Запутанном деле», как и в первой своей повести, писатель применил прием двойной оценки действительности, сообщив изображаемому более яркую наглядность, доходчивость и убедительность. Ведь вопрос, который неотступно преследует Мичулина, — почему князь едет в карете, одетый в добротную шубу, а он должен идти пешком и мерзнуть в своей худой шинелишке, почему князь всегда весел и счастлив, а ему, Ивану Самойловичу, достались в удел лишь горе и слезы — может показаться наивным. Но именно в такой формулировке и заключается подлинно глубокий смысл «Запутанного дела» Салтыкова; наивным, даже несколько примитивным, недоумением Мичулина автор глубоко раскрывал основную, главную суть антинародного строя. А вслед за этим возникал другой, не менее важный вопрос: можно ли мириться с таким положением? На примере Мичулина Салтыков-Щедрин убеждал, что смирением и терпением положение не изменить, что для этого нужна борьба — самоотверженная, суровая, беспощадная. Именно к такому выводу привел своего героя автор в эпизоде с оперным спектаклем в театре.

Убеждение Мичулина в необходимости борьбы, свидетельствующее о происшедшей в его сознании перемене, досталось ему дорогой ценой. Писатель провел героя через труднейшие испытания и поставил перед неизбежностью гибели. Последний рубль истрачен на билет в театр. Что будет дальше, как жить без всяких средств к существованию? — такой вопрос неизбежно должен был встать перед Мичулиным во всей грозной, ужасающей наготе. Поэтому понятны и его бессильная злоба к сидящим в партере аристократам, и решимость с оружием в руках пойти на «мошенников» и «хриstopродавцев». Это — кульминационный момент в «Запутанном деле», здесь наиболее полно выявилась та революционная острота, которая так напугала царя, правительство, реакционное общество, увидевших в произведении пропаганду гильотины для привилегированных классов.

В повести «Противоречия» уделено много внимания любовной интриге, ибо через нее решается социальная проблематика. В «Запутанном деле» романическая история отодвинута на второй план и приобретает значение лишь в сновидениях Ивана Самойловича. В условиях той жизни, которую он ведет в сто-

лице, не до возвышенных чувств и романтических приключений, поэтому логически — естественно в ней приглушен романтический элемент и сведена до минимума занимательность изображенной интриги.

События, развивающиеся в снах, органически связаны с основным сюжетом и составляют как бы вторую линию в развитии действия повести. Связующим звеном между ними является образ Наденьки Ручкиной, выполняющий с этой точки зрения немаловажную композиционную роль. Неудачные любовные увлечения Мичулина усугубляют его душевные муки, но об этом в повести сказано мало, по крайней мере в той части, где изображается явь. Добиваясь любви Наденьки Ручкиной, Мичулин не мог не задумываться над тем, что ожидало бы его, женись он на ней. Ему некогда было об этом размышлять наяву, потому ответ на вопрос дали сновидения, в которых сознание бедности и неустроенности своего бытия заслонило воздушные замки страшной наготой реальной действительности. После очередной неудачи в поисках места службы Мичулин, возвратясь домой, утомленный физически и нравственно, лег отдохнуть. Однако и во сне неотвязно мучает все тот же вопрос: «Что же я в самом деле такое? Какое мое назначение, какая судьба моя?..» [8, т. 1, с. 233].

Такова природа самих сновидений, интерпретированных Салтыковым-Щедриным в материалистическом духе.

Сменой картин в сновидении писатель и ответил на этот вопрос: из «запутанного дела» маленьким людям нет никакого выхода, их уделом остается горе, страдание, гибель, пока у власти будут находиться «волки».

В сновидениях, повествующих о женитьбе Мичулина на Наденьке Ручкиной и всех перипетиях совместной их жизни, нет ничего фантастического — в них все по-житейски правдоподобно, даже превращение Ивана Самойловича в важного господина как отражение его мечтаний о лучшем. Но в повести есть сновидение и иного порядка, в частности образ фантастической пирамиды, представший во сне Ивана Самойловича.

В научной литературе не раз уже высказывалось мнение [4; 5], что образ гигантской пирамиды возник у Салтыкова под влиянием учения Сен-Симона, который уподоблял общество пирамиде, умалчивая, однако, о противоречиях в ней интересов антагонистических классов.

Появление в сновидении колонны-пирамиды, состоявшей из людских тел (у самого основания Мичулин увидел своего двойника и с трудом распознал его, так сильно он был расплюсчен), мотивировано горячечным состоянием героя, вызванным простудой и пережитыми им потрясениями.

При всей фантастичности это сновидение тоже реально, оно — следствие тяжких раздумий героя о безрадостной жизни и тех идеях, которые высказывались утопистами относительно путей преобразования социальной действительности.

В первом сновидении встречаются те же люди, которые действуют наяву, во втором же — только Мичулин в роли своего двойника. В первом сне речь идет о судьбе отдельного человека, хотя история Ивана Самойловича и содержит обобщающий смысл, во втором — проблематика повести расширена до планетарных масштабов, и в образе пирамиды-миража показана судьба всего человечества.

По словам А. С. Бушмина, сновидения Мичулина стали зародышем «той эзоповской фантастики, которая будет играть все более значительную роль в дальнейшем творчестве писателя» [2, с. 151]. Но это касается преимущественно сновидения о пирамиде-мираже, хотя в первом и использован эзопов язык («голодные волки», восприятие звуков оркестра), а фантастики там, в сущности, нет. Ведь то, что происходит во сне, не выходит за рамки возможного, оно — продолжение реальной действительности.

Трагическая судьба героя и его гибель глубоко мотивированы: и то и другое — закономерные следствия уклада жизни, породившего для «маленьких людей» бесконечную цепь «запутанных дел». К этому выводу приводит логика всего действия, весь ход мыслей Мичулина, все замечания, комментарии и публицистические рассуждения-вставки от имени автора.

Сатирическим смыслом насыщен и финал повести, направленный против благонамеренных убеждений «благополучных людей», чье мнение выражает «гуляющий человек» Пережиги. Он сентенциозно заметил, что Ивана Самойловича довел до смерти «скепцизм». А полицейский чиновник высказался еще более определенно: «Нет в мире животного, неблагодарнее человека».

Эта глубоко ироническая концовка как нельзя более соответствует всему содержанию замечательной повести.

Приведенные наблюдения над композицией второго беллетристического опыта Салтыкова-Щедрина, на наш взгляд, убеждают, что начинающий писатель уже в 40-е годы, продолжая традиции предшественников и современников, занимался поисками своего решения вопросов формы, в частности структурной организации сюжета «натуральной» повести, и достиг немалых результатов.

Л и т е р а т у р а

1. Базилевская А. К. Повести М. Е. Салтыкова-Щедрина сороковых годов и их место в творчестве писателя. Автореф. канд. дис. М., 1962.
2. Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
3. Дорофеева Т. С. Ранние повести М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автореф. канд. дис. М., 1954.
4. Кулешов В. И. Отечественные записки и литература 40-х годов. М., 1959.
5. Папковский Б. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в эпоху 30—50-х годов. Л., ИРЛИ АН СССР, 1948.

6. Пруцков Н. И. У истоков революционно-демократического реализма в русской литературе середины XIX века. Грозный, 1946.

7. Усакина Т. И. М. Е. Салтыков и общественно-литературное движение 40-х годов. Автореф. канд. дис. Саратов, 1959.

8. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. В 20-ти т. Л., ГИХЛ, 1933—1941.

*Кафедра русской и зарубежной литературы
Николаевкого пединститута*

М. П. Череповский

Организация сюжета в ранних реалистических рассказах М. Горького

Наиболее примечательными особенностями сюжетов горьковских рассказов являются свернутая, то есть неполная, ситуация и неразвернутая фабула. Первая отчетливо обнаруживается, например, уже в «Емельяне Пиляе» (1893 г.). Рассказ, не раскрывая картины присущих свернутой ситуации противоречий (безрезультатных поисков работы в Одессе), начинается итогом — выводом о необходимости «идти на соль». Свернутая ситуация предшествует основному сюжетному событию — столкновению путников с украинскими чабанами. Еще в большей мере свернута ретроспективная ситуация — противоречие между преступными замыслами Пиляя и его гуманными действиями по предотвращению самоубийства купеческой дочери. Основная и ретроспективная ситуации связаны ассоциативно — по сходству. Ретроспективной ситуацией, изложенной в коротком рассказе Пиляя, подтверждается выраженная в первой ситуации рассказчиком мысль о том, что «никто не имеет права покупать свое счастье ценою жизни другого человека» [2, т. 1, с. 90]. Так идейный смысл рассказа, прозвучавший вначале как декларация в устах спутника Пиляя, становится благодаря ретроспекции выражением веры писателя в Человека.

Две основные сюжетные ситуации и в рассказе «Однажды осенью» (1895 г.). Первая из них представляет картину того, как Наташа, девица из «гулящих», и рассказчик, семнадцатилетний молодой человек, решают проблему пищи и ночлега. В произведении свернута, то есть мотивирована в самом общем виде, та часть первой ситуации, которая должна объяснить читателю, почему рассказчик попал в безвыходное положение. Вторая ситуация, предвещающая появление молодой женщины в Устье, тоже свернута: она представляет изложение молодым человеком Наташиного рассказа о взаимоотношениях с булоч-